

Т.Ю. Фомина

## СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТАТУС АРХИЕРЕЕВ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ ПО ЛЕТОПИСНЫМ ИСТОЧНИКАМ

Выявление места епископата в социальной структуре древнерусского общества необходимо для осознания роли церковных институтов в политическом развитии восточнославянского государства домонгольского времени. Высокой степенью информативности по данному вопросу обладают русские летописные своды. Анализ известных позволяет сделать вывод о нестабильности социального статуса епископата и его прямой зависимости от отношений с княжеской властью и личного авторитета архиерея. Но можно констатировать, что к концу изучаемого периода высшее духовенство занимает прочные позиции в социальной структуре русского общества в ранге правящей элиты.

**Ключевые слова:** Летописи, Русская Православная Церковь, Древняя Русь, древнерусский епископат, социальный статус.

Русские летописи являются важнейшим нарративным источником, без которого невозможно изучение истории нашей страны. В рамках исследования истории Русской Церкви домонгольского периода особое место занимают древнейшие из дошедших до нас летописей — Лаврентьевская, Ипатьевская и Новгородская первая старшего извода<sup>1</sup>. Благодаря обилию церковных известий ценность приобретают погодные записи Новгородской третьей летописи<sup>2</sup>. В качестве общерусского свода, обобщающего значительное число летописных известий по церковной истории, большое значение имеет Никоновская летопись<sup>3</sup>.

*Татьяна Юрьевна Фомина* — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и методики ее преподавания Набережночелнинского института социально-педагогических технологий и ресурсов (stal73@yandex.ru).

<sup>1</sup> Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928. 379 с. (далее — ПСРЛ. Т. 1.); Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб., 1908. 638 с. (далее — ПСРЛ. Т. 2.); Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Рязань, 2001. 639 с. (далее — НПЛ).

<sup>2</sup> Новгородские летописи: (Так названные Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). СПб., 1879. 24, 488, 113 с. (далее — НЛ).

<sup>3</sup> Полное собрание русских летописей. Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью М., 2000. 288 с. (далее — ПСРЛ. Т. 9.)

Русское летописание является достаточно информативным в целом ряде аспектов, связанных с зарождением церковной иерархии на Руси, возникновением архиерейской власти, становлением епископий в древнерусских княжествах, освещает отдельные аспекты подбора святительских кадров. Однако воссоздание целостной картины церковной жизни домонгольского периода возможно лишь при привлечении всей совокупности исторических источников.

Социально-политический статус личности в любую историческую эпоху зависит от того, какое место человек занимает в системе общественных отношений. Характеризуя положение архиереев в структуре русского общества домонгольского периода, следует не только рассматривать его как часть социальной системы, но и оценить с позиции включенности в политические и экономические процессы своего времени. Положение архиереев в рамках церковной структуры имеет под собой канонические основания — «понеже утвердися обыкновение, и древнее предание, чтобы чтити епископа, пребывающего в Элии: то да имеет он последование чести, с сохранением достоинства, присвоенного митрополии» (I Всел. 7)<sup>4</sup>. Необходимо проверить, отвечают ли законодательные идеалы реалиям социально-политического положения епископов в русских княжествах домонгольского времени.

Анализ проблемы осложняется тем, что положение епископов в русском обществе не было постоянным. Социальный «вес» владык не одинаков в различных княжествах и не является одинаковым на протяжении изучаемого исторического периода. Данное обстоятельство хорошо прослеживается по документам, отражающим включенность епископов в социальную структуру древнерусского общества и его элит.

В период становления русской церковной организации значительная часть архиереев прибывала на Русь из различных уголков христианского мира и занимала высшие ступени духовной власти, порой не зная языка, обычаев и нравов вверенной им паствы<sup>5</sup>. Вероятно, именно эта пропасть между автохтонным населением и пришлым священством во многом объясняет скудость сведений древнерусских письменных источников о личностях и деятельности архиереев домонгольского периода. Но статус архиереев-греков определялся не только их происхождением и духовными функциями. Некоторые владыки прибывали

---

<sup>4</sup>Цит. по: *Цытин В.А.* Каноническое право. М., 2009. С. 32.

<sup>5</sup>Например, митрополиты Иоанн [приведен Анной Всеволодовной] (ПСРЛ. Т. 1. С. 208), Кирилл (ПСРЛ. Т. 9. С. 214), епископы Николай Полоцкий (ПСРЛ. Т. 1. С. 432), Мануил Смоленский (ПСРЛ. Т. 1. С. 209).

с посольскими заданиями, как представители византийского императора на территории Руси<sup>6</sup>. Ряды архиереев пополнялись и из среды русского населения. Естественно, что отечественные святители были выходцами из знатных сословий, прежде всего боярства, и даже из ближайшего княжеского окружения<sup>7</sup>.

Характерной особенностью описания взаимодействия митрополичьей и княжеской властей в летописях является формула «князь [такой-то] с отцом своим митрополитом»<sup>8</sup>. Нередко при фиксации церковных событий присутствует ремарка «митрополиту бывшу тогда...»<sup>9</sup>. Летописец в такой форме фиксирует лишь присутствие высшей архиерейской власти, подчеркивая, что инициатором действий является князь. Вероятно, присутствие митрополита в окружении князя символизировало благословение и поддержку архиереем княжеских начинаний.

В русском летописании встречаются примеры фамильярного и даже пренебрежительного отношения князей к епископату<sup>10</sup>. Подобное поведение в отношении архиереев было следствием зависимости последних от светской власти. От благосклонности князей к церковной иерархии зависело материальное положение духовенства. Обеспечение было денежным (десятина князя Владимира) и в форме земельных пожалований<sup>11</sup>. Есть указания на то, что архи-

---

<sup>6</sup>Соколов П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до XV в. Киев, 1913. С. 9, 33, 54.; Костромин К.А. Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII века). СПб., 2011. С. 47.

<sup>7</sup>Никоновская летопись свидетельствует о родстве Владимирского епископа Феодорца с боярином Петром Бориславичем (ПСРЛ. Т. 9. С. 239; *Татищев В.Н.* История Российская: В 3 т. М., 2005. Т. 2. С. 341). Митрополит Кирилл до восшествия на киевскую кафедру был «печатником» Даниила Романовича Галицкого (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 792).

<sup>8</sup>Например, «Понде Володимиръ со отцемъ своимъ Муханломъ митрополитомъ къ Киеву» (ПСРЛ. Т. 9. С. 57); «много же оучреженье давъ оба князя Гюрги и Ярослав оцю своему митрополиту» (ПСРЛ. Т. 1. С. 316), позднее эта формула будет применяться и к епископам, например: «князь велики Святославъ Олговичъ со Антониемъ епископомъ своимъ Чръниговскимъ» (ПСРЛ. Т. 9. С. 215).

<sup>9</sup>Например, «въ Киеве же и во всей Руси митрополиту бывшу тогда Иоанну» (ПСРЛ. Т. 9. С. 115).

<sup>10</sup>В известии 1096 г. епископы поставлены в один ряд с простыми горожанами: «1096 г. Святополк и Володимер посласта к Олгови глаща сице поиди Киеву ать ряд учиним о Рускои земле пред епископы, игумены и пред мужи оць наших и пердъ горожаны да вы оборонили землю русьскую от поганыхъ» (ПСРЛ. Т. 9. С. 153). Нестор Ростовский и Антоний Черниговский были изгнаны князьями со своих кафедр. (ПСРЛ. Т. 9. С. 210.; ПСРЛ. Т. 9. С. 236).

<sup>11</sup>Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / изд. подг. Я.Н. Шапов, отв. ред. Л.В. Черепнин. М., 1976. С. 12–195; *Кашитанов С.М.* Жалованные грамоты на Руси XII–XIV вв. // Средневековая Русь / отв. ред. А.А. Горский. М., 1999. Ч. 2. С. 21–45.

ереи присутствовали на пирах и даже кормились при княжеских дворах<sup>12</sup>. Судя по поведению, которое позволяли себе духовные лица, их можно с уверенностью отнести к завсегдашним данным собраний и рассматривать как часть княжеского окружения, лиц княжеского двора и представителей социальной верхушки общества<sup>13</sup>. На эту особенность справедливо указывалось в исследовании И.А. Малиновского, который полагал, что со второй половины XI в. происходит сближение статуса митрополита и епископов с городской и военной знатью<sup>14</sup>. Все вместе позволяло князьям подбирать «удобные» для себя кандидатуры епископов для реализации целей внутренней и внешней политики.

В домонгольский период редко можно видеть представителей духовной власти, проявляющих собственную инициативу. Чаще всего в летописных известиях помещаются сведения о совместной деятельности князей и архиереев по основанию храмов, обителей. Представители светской и духовной властей находятся рядом при проведении крупных религиозно-политических мероприятий. Например, во время перенесения мощей Бориса и Глеба крестный ход возглавляют князья, затем идут черноризцы со свечами и диаконы с кадилами, «посемь презвитеры и по них епископи с митрополитом»<sup>15</sup>. Высшее духовен-

<sup>12</sup>1183 г.: «В то же лето свцена быс цркы стго Василья яже стоить в Києве на велицем дворе великим свцинем мсца генваря во первыи день свцинымъ митрополитомъ и влжнымъ Никифором епископом Гюрговским и архимандритом Печерьским игуменомъ Васильем создане выввши Стославом Ксеволожитцем и созва на пиро тъ доуховныйи свциного митрополита Нискофора ины епископы игумены и всь стльсии чинъ» (ПСРЛ. Т. 1. С. 432); 1197 г.: «блговерныйи князь Рюрик приехавъ ис Києва и <...> созва дхвныи тыи пир епископа Андрияна Юрьевского епископа и архимандрита Василья Печерьскаго игумена Моисея игумена стго Миханла Быдывычьского и прочии игумены и черноризьци и прозвоутеры и всь свциницкыи чин и оучреди я не малы дары и великыи почти вся от велихъ даже и до малыхъ и яко ни единомуу же облишеноу быти от тревоующихъ (ПСРЛ. Т. 2. С. 480–484).

<sup>13</sup>Примером может служить сообщение летописца, характеризующее отношение к духовенству со стороны Владимира Мономаха: «Владимир был полон любви: любовь имел он и к митрополитам, и к епископам, и к игуменам, особенно же любил монашеский чин и монахинь любил, приходивших к нему кормил и поил, как мать детей своих. Когда видел кого шумным или в каком постыдном положении, не осуждал того, но ко всем относился с любовью и всех утешал» (ПСРЛ. Т. 1. С. 264). Близкую оценку князю давал митрополит Никифор, но он вообще отмечает щедрое отношение Мономаха к людям, его окружающим, и специально не выделяет лиц духовного сословия (Творения митрополита Никифора / изд. подг. С.М. Полянским. М., 2006. С. 115–116). См. также: *Петр (Гайденко П.И.), иером.* Зарисовки повседневной жизни древнерусских архиереев: стол и достаток // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2013. Вып. 1(5). С. 84–105.

<sup>14</sup>*Малиновский И.А.* Древнейшая русская аристократия. Киев, 1903. С. 3.

<sup>15</sup>ПСРЛ. Т. 1. С. 127–128. Отношение к главе Церкви автора летописного рассказа весьма специфическое. Во время вскрытия раки с мощами Глеба «митрополита оужасть обиде». Ле-

ство в культовом мероприятии, согласно традиции, не возглавляет, а завершает шествие. Примечательно, что «отпевше литургию оведша братья (Ярославичи. — Т.Ф.) на скупь кождо с вояры своими»<sup>16</sup>. Присутствие архиереев на данном пиру не отмечено. Следовательно, после совершения службы духовенство не было удостоено чести быть приглашенным к столу, хотя архиереи, пусть и не на почетном месте, но входят в свиту князей. Ясно, что инициаторами канонизации князей Бориса и Глеба выступали Ярославичи. В 1115 г. роль первосвященника в устройении культа братьев-страстотерпцев иная. Митрополит Никифор, в отличие от митрополита Георгия, стал активным участником процедуры перенесения мощей Бориса и Глеба вместе с подвластным ему духовенством<sup>17</sup>.

К концу изучаемого периода традиция перенесения святых мощей будет усвоена уже на уровне отдельных княжеств. Под 1230 г. описывается перенесение мощей мученика Авраамия во Владимир. Инициатива исходит от княжеской власти — «великий князь блгочестивый Георгии оусрете и перед городом за версту с великою честью», а начинание властителя поддерживают «епспъ Митрофан со всем клиросом и со игумены и княгыни з детьми и вси людье»<sup>18</sup>. Как для Ярославичей в период христианизации Руси было важно создание святыни общегосударственного масштаба, так и для Владимирского княжества, в первой трети XIII в. стремившегося к упрочению своих политических позиций, было необходимо обретение мощей мученика, пострадавшего за веру (пусть и за пределами Русской земли)<sup>19</sup>.

Своеобразным было участие владык в некоторых процедурах политического характера, в частности в обряде крестоцелования, которым завершалось примирение или заключение договоров<sup>20</sup>. Ни разу в обряде крестоцелования присутствие высших архиереев не отмечено. По мнению П.И. Гайденко, кресто-

---

тописец объяснил поступок архиерея нетвердостью веры (см.: Там же). Это может свидетельствовать о первоначальном нежелании митрополита участвовать в канонизации русских князей-страстотерпцев.

<sup>16</sup>ПСРЛ. Т. 1. С. 127–128.

<sup>17</sup>ПСРЛ. Т. 2. С. 194–195.

<sup>18</sup>ПСРЛ. Т. 1. С. 314.

<sup>19</sup>Для реалий Руси первой трети XIII в. было крайне проблематично подобрать кандидатуры мучеников. Поэтому на эту роль был избран мусульманин, под влиянием русских купцов принявший христианство под именем Авраам, проповедовавший учение среди соплеменников и принявший в связи с этим мученическую смерть. Примечательно, что канонизация чужестранца состоялась менее чем через год после смерти Авраама (см. об этом: Авраамий (Авраамий) Болгарский // Православная энциклопедия. Том I. М., 2000. С. 172–173).

<sup>20</sup>ПСРЛ. Т. 1. С. 313; ПСРЛ. Т. 2. С. 318, 346; ПСРЛ. Т. 9. С. 211–212.

целовальные кресты могли находиться у светских властителей, и участия духовенства в этом не требовалось. Однако разрешение от клятв оставалось прерогативой высшей духовной власти — митрополитов и епископов.

Летописные известия сохранили примеры попыток привлечь духовенство к решению внутриклановых проблем Рюриковичей. В 1096 г. князя вместе с духовенством не смогли склонить князя Олега к объединению с Владимиром Мономахом и Святополком Изяславичем, «дабы оборонили землю русьскую от поганых»<sup>21</sup>. П.С. Стефанович обратил внимание на то, что дерзкий отказ Олега был расценен летописцем как пренебрежение авторитетом духовенства<sup>22</sup>. Вообще выполнение святительских функций не гарантировало архиереям личной безопасности. В данном отношении показательна новгородская кафедра: епископ Стефан был задушен собственными холопами<sup>23</sup>, епископа Федора пытались убить в ходе мятежа с участием волхвов<sup>24</sup>, Лука Жидята был оклеветан холопами<sup>25</sup>. Как объяснить отсутствие пиетета к архиереям в древнерусском обществе? Исследователи пытались давать ответ на этот вопрос. По мнению А.Ю. Дворниченко, древнерусское общество не усматривало в представителях Церкви «надстройки», стоящей во главе социальной структуры, в отличие от Византии, это было неприемлемо<sup>26</sup>. Таким образом, «базовая православная теория “симфонии” между Церковью и государством, а также между их руководителями, изначально имела существенно различное звучание в Царьграде и Киеве»<sup>27</sup>.

При этом в исследованиях отмечают черты сходства в отношениях государства и Церкви на Руси и в странах Западной Европы до реформ Григо-

---

<sup>21</sup> 1096 г.: «Святополк и Володимер посласта к Олгови глаща сице поиди Киеву ать ряд учиним о Руской земле пред епископы, игумены и пред мужи оць наших и перьд горожаны да бы оборонили землю русьскую от поганых» (ПСРЛ. Т. 2. С. 153). См.: *Мавродин В.В.* Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV века). СПб., 2002. С. 255–256.

<sup>22</sup> См.: *Стефанович П.С.* Религиозно-этические аспекты отношений знати и князя на Руси в X–XII веках // *Отечественная история.* 2004. № 1. С. 6.

<sup>23</sup> ПСРЛ. Т. 9. С. 96.

<sup>24</sup> Там же. С. 99.

<sup>25</sup> Там же. С. 91.

<sup>26</sup> *Дворниченко А.Ю.* Древнерусское общество и Церковь. Л., 1988. С. 17.

<sup>27</sup> *Покровский Н.Н.* Власть и Церковь на Руси // *Россия.* 1997. Август. С. 70–75.

рия VII (середина XI в.)<sup>28</sup>. Подобно тому как в Европе, начиная с эпохи Карла Великого, королевская власть многочисленными милостями благодетельствовала не включенную еще в политические процессы Церковь<sup>29</sup>, древнерусские князья заботились об обеспечении иереев и задавали направление церковной политики. И в Европе, и на Руси статус высшего духовенства во многом определялся отношением к церковной иерархии со стороны светской власти<sup>30</sup>. Взаимоотношения между Священством и Царством несли на себе печать личных симпатий и антипатий.

Источники сохранили примеры тесных и приятных отношений князей и иерархов: Ярослав Мудрый — митрополит Иларион, Лука Жидята<sup>31</sup>, Юрий Долгорукий — новгородский владыка Нифонт<sup>32</sup>, Андрей Боголюбский — епископ Федор<sup>33</sup>, либо как минимум благосклонного отношения князей к высшему духовенству. Примером здесь может служить отношение Владимира Святославича к приближенному им Анастасу Корсунянину, Владимира Мономаха к духовнику Нифонту<sup>34</sup>.

---

<sup>28</sup> Введение христианства на Руси / отв. ред. А.Д. Сухов. М., 1987. С. 130; *Poppe A. Państwo i kościół na Rusi w XI wieku.* Warszawa, 1968. S. 206.

<sup>29</sup> *Гергей Е.* История папства / пер. с венгер. О.В. Громова. М., 1996. С. 71–73.

<sup>30</sup> В ходе анализа богословских сочинений Г. Подскальски приходит к выводу о существовании сильной церковной иерархии в домонгольской Руси, «по отношению к которой киевский князь и теоретически, и практически играет отнюдь не такую роль, как византийский император в отношении патриарха. <...> В силу этого Церковь в Киевской Руси стояла рядом с князем, а не под властью князя, и с началом заката Древнерусского государства в середине XII в. такое положение митрополита еще более укрепилось». (*Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237). СПб., 1996. С. 438). К сожалению, мы не можем согласиться с выводами ученого, т.к. они противоречат данным исторических источников. Князья имели возможность выбирать иерархов (Янка), не принимать и изгонять их. Конечно, положение митрополитов отличалось от представителей епископата, но решающая роль княжеской власти в решении церковных вопросов не подлежит сомнению.

<sup>31</sup> ПСРЛ. Т. 2. С. 96, 100.

<sup>32</sup> НПЛ. С. 214–215.

<sup>33</sup> ПСРЛ. Т. 2. С. 384.

<sup>34</sup> Если Владимир Святославич рассматривал духовенство в качестве своих советников, то в тексте «Поучения» Владимир Всеволодович советует своим детям заботиться о епископах, попах и игуменах и принимать от них благословения, а Всеволод Ярославич «воздавал честь» епископам (*Чичуров И.С.* Политическая идеология средневековья (Византия и Русь). М., 1991. С. 147–148).

Судя по летописным данным, епископат принимал участие в семейных делах<sup>35</sup>. Святители оказывали князьям поддержку в их борьбе за престолонаследование. Согласно Ипатьевской летописи, не названный по имени епископ помог в 1164 г. Святославу Всеволодичу обманным путем взойти на Черниговский престол<sup>36</sup>. В 1212 г. «изнемогающий» великий князь Всеволод Юрьевич по совету суздальского епископа Иоанна лишил своего старшего сына Константина Владимирского престола за ослушание<sup>37</sup>. В делегации по приглашению князя Ярослава Всеволодовича на новгородский престол в 1215 г. принимает участие архиепископ Антоний (Добрыня Ядрейкович)<sup>38</sup>. В 1222 г. новгородцы «послаша владыку Митрофана и посадника Иванка и стареишии мужи в Володимири кз Юрю ко Всеволодицу, и дасть имз сына своего Всеволода на всеи воли новгородчюи»<sup>39</sup>. В 1230 г. митрополит Кирилл с черниговским епископом Порфирием и игуменом монастыря святого Спаса на Берестове Петром Аскеровичем успешно выполнил миссию по примирению двух княжеских ветвей рода Рюриковичей<sup>40</sup>.

<sup>35</sup> 1230 г.: «великий князь Юрги ожени сына своего старейшего Всеволода Володимирною Рюриковиц и венчан быс в велики цркви зворнен стья Бца сцньным еппмз Митрофаном» (ПСРЛ. Т. 1. С. 314.); 1212 г.: «Князь велики Всеволодз Юрьевич жени сына своего князя Юрья. <...> венчан же бысть Иваномз епископомз въз монастыри пречистыа Богородицы» (ПСРЛ. Т. 10. С. 63.); 1248 г.: «Той же зимы оубьен был Михаило Ярославич о поганяя Литвы блаженный же епископ Кирилл посла взя тело его и привезоша во Владимир» (ПСРЛ. Т. 1. С. 327.)

<sup>36</sup> ПСРЛ. Т. 2. С. 359.

<sup>37</sup> ПСРЛ. Т. 10. С. 63–64.

<sup>38</sup> НПЛ. С. 252.

<sup>39</sup> НПЛ С. 262.

<sup>40</sup> 1230 г.: «приходи пресцньни митрополитъ всея Руси Кирилъ к великому князю Гюргю и кз брат его Ярославу и Стославу и г Костянтиновичмз Василку и Всеволоду и Володимеру от Киевского князя от Володимера от Курикович а от Черниговского князя от Михаила епепъ Перфурри приде же с нима игуменъ претого манастиря стго Спаса Киеве на Берестовемъ Петръ Аскерович и инз муж Володимеръ Гюргин столник его ст г е приходиша с митрополитомз прося мира Михаилу съ Ярославом бе во Михаилъ не правъ въз кретнымъ целованьи при Ярославѣ и хотяше Ярославъ ити на Михаила Бъ же не попусти тако тому быс да наполнитсѣ писанье стыхъ глшеє блгжни смиряюции яко ти снве Бъи нарекутсѣ и зде бо не остави Бъ труда митрополит все памяти быс и епепъ Перфурья да и зде наполнитсѣ писанье певца дивен Бъ въз стыхъ своихъ Бъ Изрлвъ створи во дивна въз дни сия послуша оубо Ярославъ брата своего старейшаго Гюрья и оца своего митрополита и епепъ Порфурья и взя миръ с Михаиломъ и быс радсть велика и зде исполси писанье песника иже реч се день иже створи Гсъ възрадуюемъ и възвеселимъся во нь много же оучреженьє давъ оба князя Гюрги и Ярослав оцо своему митрополиту и епепу Порфирью и игумену Спескскому и блгввишасѣ от нею и отпустиша я кождо кз своимъ княземъ» (ПСРЛ. Т. 1. С. 316).



Выступая в роли примирителей князей, иерархи укрепляли позиции церковного института. Успех или неуспех посреднических миссий зависел от авторитета конкретных личностей, а сам факт участия высшего духовенства в переговорах отнюдь не гарантировал решения проблемы. Так, Юрий Долгорукий принял новгородского владыку Нифонта с честью, одарил подарками, но «мира Новгороду не дал»<sup>41</sup>, не удалось сотворить мира и митрополиту Кириллу<sup>42</sup>; Владимирский князь Всеволод Юрьевич не послушался «своего епископа блаженнаго Луки» и Рязани мира не дал<sup>43</sup>.

Получается, что главы кафедр так и не получили рычагов влияния на светскую власть. Это влияние определялась лишь личным авторитетом архиерея либо объемом делегированных им князьями полномочий. Поэтому высшее духовенство прибегало к способам морально-нравственного воздействия на княжескую власть — через послания, проповеди, поучения<sup>44</sup>. Содержание данных

---

<sup>41</sup>НПЛ. С. 214. «После антикняжеского выступления новгородцев в 1136 г., когда был выработан статус независимости Новгорода (князь при этом сидел под стражей на владычном дворе), одной из важнейших обязанностей новгородского епископа стали поиски угодного «вятшим» новгородцам князя. В 1140 г. новгородцы посылают Нифонта в Киев «по князи». Последовавший за тем отказ новгородцев от услуг великокняжеского ставленника Святослава повлек за собой опалу на Нифонта. Его возвращают с дороги в Новгород и задерживают при дворе великого князя Всеволода. Дважды владыка возглавлял посольства к Юрию Долгорукому. Первая поездка, состоявшаяся в 1148 г., была связана с заключением мира с суздальским князем. Принятый «с честью», Нифонт убедил Долгорукого отпустить пленных новгородцев. Однако основная задача не была выполнена: Юрий «нелюби на новгородцев не отложи и мира не даст». Посольство 1154 г. закончилось удачно для Нифонта. Он «введоша» в Новгород Мстислава Юрьевича, благословленного Долгоруким на новгородское княжение» (Хорошев А.С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980. С. 27–28).

<sup>42</sup>«Бе Коурилъ митрополитъ превлаженный и святой приехал мира сотворити и не може. Потом же Ростислав Пинский не престающе клеветца веша во дети его изыманы». (ПСРЛ. Т. 2. С. 515).

<sup>43</sup>ПСРЛ. Т. 2. С. 278.

<sup>44</sup>Назовем послание Феодосия Печерского Изяславу Ярославичу (РНБ. Кир.-Бел. № 4/ 1081. Л. 206–236); Слово Феодосия игумена Печерского монастыря о вере христианской (Еремин И.П. Сочинения Феодосия Печерского в подлинном тексте // ТОДРЛ. Т. 5. М.; Л., 1947. С. 168–173); Послание Симона, епископа владимирского, княгине Верхуслане-Анастасии Всеволодовне (Киево-Печерский патерик // ПЛДР. XII век. М., 1980. С. 481); Поучения Никифора Владимиру Мономаху, Ярославу Муромскому и неизвестному князю (Творения митрополита Никифора / изд. подгот. С.М. Полянским; отв. ред. М.Н. Громов, С.М. Полянский. М., 2006. С. 111–117, 137–139, 165–170, 178–182); Послание Иакова черноризца к князю Дмитрию Борисовичу (ПЛДР. XIII век. М., 1981. С. 456–463). См. также: Галимов Т.Р. Русская церковная иерархия в княжеских

произведений, переписка митрополитов и епископов с представителями княжеской власти свидетельствуют о шаткости и нестабильности положения архиереев. Духовенство не столько наставляет князей, сколько пытается представить идеальный для Церкви образ правителя, увещевает не нарушать религиозно-этических норм и разъясняет отдельные особенности христианского вероучения. Яркий пример таких взаимоотношений — послания киевского митрополита Никифора (ум. 1121) князю Владимиру Мономаху<sup>45</sup>. В послании о посте он наставляет Владимира Мономаха относительно вопросов управления княжеством и личного благочестия<sup>46</sup>. В «Послании на латину» — перечисляет заблуждения католиков и в контексте предостережений завершает обращение к князю Владимиру прославлением его достоинств и призывом держаться правой веры<sup>47</sup>.

Еще один комплекс посланий принадлежит перу Туровского епископа Кирилла. «Притча о человеческой душе и теле», сохранившая поучение о «хромце и слепце» хотя напрямую и не адресована Андрею Боголюбскому, но содержит обвинения могущественного князя за поддержку узурпировавшего святительские полномочия епископа Федора (Федорца)<sup>48</sup>. Однако нам не известно, отвечал ли князь на послания епископа. Вряд ли вообще существовала традиция ответов князей святителям. Поэтому и слово Кирилла — это памфлет, обвинение. Фактически это самая резкая форма общения представителя Церкви с властителем. Нормы отношений строились по другой модели. В отношении архиереев княжеская власть обладала широким спектром влияния. Князья, а в отдельных случаях политические элиты княжеств, могли поставлять<sup>49</sup>, рекомендо-

---

междоусобицах в середине XII — первой трети XIII века // Вестник Челябинского государственного университета: История. 2012. № 25(52). С. 104–114.

<sup>45</sup> «Послание Никифора, митрополита Киевского, к великому князю Владимиру, сыну Всеволода, сына Ярослава о посте и воздержании чувств» и «Послание Никифора, митрополита Киевского, к великому князю Владимиру, сыну Всеволода, сына Ярослава о вере латинской». См. подробнее: Творения митрополита Никифора... С. 89–170, 297–452.

<sup>46</sup> Творения митрополита Никифора... С. 39–40.

<sup>47</sup> Там же. С. 41.

<sup>48</sup> Кирилла монаха притча о человеческой душе и о теле, о нарушении Божией заповеди и о воскрешении тела человеческого, о Страшном Суде и мучении // Колесов В.В. Кирилл Туровский. М., 2009. С. 25–40.

<sup>49</sup> 1034 г.: «Иде Ярославъ к Новгороду <...> и епископа постави Луку Жидятю» (ПСРЛ. Т. 9. С. 79–80).

довать<sup>50</sup>, не принимать<sup>51</sup>, изгонять<sup>52</sup>, смещать<sup>53</sup> представителей высшего духовенства. Подобные действия, конечно же, можно было свершать в отношении далеко не каждого архиерея. Прибывшие из Византии иерархи обладали дипломатической неприкосновенностью<sup>54</sup>.

Но и здесь были исключения. В 1185 г. митрополиту Никифору так и не удалось поставить на Ростовскую кафедру грека Николая. В этом случае решение Всеволода Юрьевича было поддержано киевским князем Святославом Всеволодовичем<sup>55</sup>. Вероятно, проблема крылась и в личности Николая, пришедшего искать святительского сана на Русь. Ростовская кафедра была вакантной, чем и воспользовался митрополит Никифор. Всеволод представил вполне убедительный аргумент — нежелание паствы принять данного архиерея.

Иной характер имеют взаимоотношения светских властителей с епископами из местного духовенства. Если таковые были княжескими ставленниками, их положение мало чем отличалось от положения представителей высшего княжеского окружения. Если на этапе становления Русской Церкви «кузницей» архиерейских кадров выступал Киево-Печерский монастырь, что давало канди-

---

<sup>50</sup> 1185 г.: «Князь велики Всеволодъ Юрьевичъ посла в Киевъ къ Никифору митрополиту Киевскому и всеа Руси, прося у него епископа въ Ростовъ; прося же на ния Луку игумена Спасьскаго, иже на Берестовемъ» (ПСРЛ. Т. 10. С. 10).

<sup>51</sup> 1183 г.: «преставися епископ Полотский именем Дионисий мы же оубо о семь поглым преставившюся Леоноу Ростовскому епископу и поставлен быс Никола Грецинь епископом. Всеволод же Гюргевиць князь Соуждальский не прия его но посла Киевоу ко Стославоу ко Всеволодичю и к митрополиту Никифору рек не извраша сего людье земле наше» (ПСРЛ. Т. 1. С. 432).

<sup>52</sup> 1168 г.: «Антоний же епископъ Черниговский много браняше своего князя Черниговскаго и бодръ его, да не ядят мязъ в Господскна праздникы; князь же Святославъ и бодре его не внимаху ему о семъ; Антоний же епископъ крепко браняше, князь же Святославъ, сын Олгов Черниговский не стерпе досады от епископа своего, и изгна его из града своего Чернигова и от всего княжения своего» (ПСРЛ. Т. 9. С. 236).

<sup>53</sup> «Прииде архиепископъ Митрофанъ, (...) а Антонна митрополит (...) вда ему епископыю въ Перемышле» (НПЛ. С. 261).

<sup>54</sup> Дипломатической неприкосновенностью в условиях Руси иностранный епископ мог и не обладать, как это видно в обстоятельствах изгнания епископа Адальберта, спутники которого были избиты, а само посольство ограблено (*Регинон Прюмский*. Хроника // Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова Том. IV: Западноевропейские источники. Сост., пер. и коммент. А.В. Назаренко. М., 2010. С. 47–49; *Титмар Мерзебургский*. Хроника // Там же. С. 65–66; *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 311–338) и судьбы епископа Рейнберна, обвиненного в заговоре против Владимира Святославича и умершего в заточении (*Титмар Мерзебургский*. Хроника. С. 73–74.; *Тальберг Н.Д.* История Русской Церкви. М., 1997. С. 47).

<sup>55</sup> ПСРЛ. Т. 1. С. 432.

датам в священство дополнительную поддержку со стороны иноческого братства, то к середине XII в. устанавливается иная практика. Князья предпочитали поставлять на вакантные кафедры игуменов «фамильных» монастырей. В Новгороде возникает и утверждается еще одна традиция — подготовка кандидатов в архиереи в монастырях, основанных боярской элитой<sup>56</sup>. Владыкам в этом случае делегировались дополнительные властные полномочия<sup>57</sup>.

Известны случаи, когда в епископский сан возводились лица, происходящие из местной знати. Они обладали высокой степенью доверия и авторитетом. Знатное происхождение явно повышало статус в рамках духовной иерархии. Сохранял ли архиерей права и статус, которыми он обладал до пострига? Сведения источников не позволяют однозначно ответить на данный вопрос. На примере архиереев Новгорода, Турова и Ростова можно уверенно говорить об особом личном влиянии святителей данных кафедр на политические, социальные и экономические процессы в своих княжествах. Так, высоким личным авторитетом обладал воспитанник Печерского монастыря Нифонт Новгородский. «Активное участие в церковно-политической борьбе» принимал Кирилл Туровский<sup>58</sup>. При поддержке боярских родов значительную роль в жизни Великого Новгорода сыграли Илья (Иоанн) и Григорий (Гавриил), а безраздельную власть ростовскому епископу Федору обеспечивала поддержка со стороны князя Андрея Боголюбского<sup>59</sup>.

Летописные известия, сообщающие о восхождении архиереев на кафедру и их смерти, также позволяют судить о месте иерархов в социально-политической структуре русского общества. Поставление либо прибытие архиереев на кафедру описывается по-разному. Иногда это сухая констатация фактов — «поставлен бысть»<sup>60</sup>; с различной степенью подробности описывается

<sup>56</sup> А.С. Хорошев относит возникновение данной практики к 1157 г. (*Хорошев А.С. Участие новгородской Церкви в политической жизни (1200–1230) // Новое в археологии. М., 1972. С. 242.*)

<sup>57</sup> Так, в Великом Новгороде владыка является хранителем государственной казны, эталонов мер и весов, наряду с князем и посадником осуществляет суд. А.С. Хорошев считает, что на примере Новгорода «мы имеем дело с явлением единственным в своем роде в истории Руси — с краткитической в своей основе республикой» (*Хорошев А.С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980. С. 4.*)

<sup>58</sup> *Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 231.*

<sup>59</sup> ПСРЛ. Т. 9. С. 225, 239; *Татищев В.Н. История Российская: В 3 т. М., 2005. Т. 2. С. 341.*

<sup>60</sup> 1231 г.: «поставлен был Кирилл епископом месяца апрель в 6 день в неделю святых муруносиц. <...> в епископа Белгородский и Юрьевский» (ПСРЛ. Т. 1. С. 316); 1183 г.: «преставися епископ Полотьский именем Днионисий мы же оубо о семь погальм преставившюся Леоноу Ростовьскомуу епископу и поставлен быс Никола Грегинъ епископом» (ПСРЛ. Т. 1. С. 432).

церемония — встреча князем и духовенством за пределами города, оказание милости<sup>61</sup>, детали избрания<sup>62</sup>, прибытия на кафедру<sup>63</sup>. Есть случаи, когда иерархи упоминаются лишь в качестве участников общерусских событий<sup>64</sup>. Лапидарность информации не позволяет прояснить время и обстоятельства прибытия на кафедру большинства архиереев. Сами по себе умолчания весьма красноречивы. Архиереи, близкие к княжеской власти (Анриан Белгородский, Федор Ростовский)<sup>65</sup> и поставленные из числа местного духовенства (Новгородские владыки Аркадий, Илья (Иоанн), Григорий (Гаврила))<sup>66</sup> удостоиваются большего внимания летописцев. Таким образом, для определения социального статуса архиереев важнейшее значение имеют сложившиеся взаимоотношения епископов с княжеской властью и политическими элитами русских земель.

Некоторые данные о социальном статусе высшего духовенства дают сообщения о месте погребения митрополитов и епископов<sup>67</sup>. Если местом упокоения для князей служили построенные ими монастыри и церкви<sup>68</sup>, местами

<sup>61</sup> Например, «прииде отъ патриарха изо Царяграда Иванъ митрополит на Киев и на всю Русь, и изыде во сретение его изъ града изъ Киева съ епископы и со всемъ священнымъ соборомъ, и со князи, и з бояры и со всемъ народомъ князь великий Ростиславъ. <...> и приять бысть съ радостию и съ честию» (ПСРЛ. Т. 9. С. 232).

<sup>62</sup> «Наугородцкй епископъ Илна посла многи дары въ Киев къ пресвященному Ивану митрополиту Киевскому и всеа Руси... Того же лета Новгородцкй епископъ Илья самъ иде въ Киев къ митрополиту со игуменомъ Дионисиемъ и съ посадники, со многю честию; митрополитъ же Иванъ Киевскй и всеа Руси учествова его зело, и повеле ему архиепископомъ называтися, и сице оттуду начало приять епископъ Новгородцкй архиепископомъ владыкою Наугородцкимъ нарицатися благословениемъ Ивана митрополита Киевскаго и всеа Руси; и даде ему митрополитъ ризы и стихрарь со источники, и бысть радость многа въ Новгороде, и даша многи дары, злато, иеребро, и жемчугъ и отъ всякого шелкова, и отъ всякого мягкого, и отъ иныхъ многихъ дары», якоже и число превзыде, Ивану митрополиту киевскому и всеа Руси» (ПСРЛ. Т. 9. С. 233).

<sup>63</sup> 1231 г.: «поставлен былъ Кирилл епископомъ. <...> по пасъ священъ же бытъ прещенымъ митрополитомъ Кириломъ с окрестными епископами иже сущтъ сии иже и стища и с митрополитомъ Перфуринъ Черниговскй епископъ Олекса Полоцкй епископъ и ина» (ПСРЛ. Т. 1. С. 316).

<sup>64</sup> Например, Иларион поставлен митрополитомъ «собравъ епископы» (ПСРЛ. Т. 1. С. 109); епископы Стефан Белгородскй и Иван Холмскй упоминаются в летописании лишь как участники перенесения мощей Бориса и Глеба в 1072 г. (ПСРЛ. Т. 9. С. 99–100).

<sup>65</sup> ПСРЛ. Т. 2. С. 456; ПСРЛ. Т. 1. С. 378.

<sup>66</sup> НПЛ. С. 216; ПСРЛ. Т. 2. С. 219; НПЛ. С. 228–229.

<sup>67</sup> См. *Гайдено П.И.* «В се же лето преставися Иоан митрополит...» Беглый взгляд на смерть первых церковных иерархов в Киевской Руси // *Гайдено П.И., Москалева Л.А., Фомина Т.Ю.* Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы. М., 2013. С. 63–67.

<sup>68</sup> Например, «преставися князь Изяславъ. <...> и положенъ бытъ въ церкви пречистыа Богородици въ Володимере» (ПСРЛ. Т. 9. С. 232); 1177 г.: «преставися князь Михалко. <...> положиша его во святей церкви пречистыа Богородици Златоверхна въ Володимери, юже созда братъ его князь Андрей Юрьевичъ» (ПСРЛ. Т. 10. С. 1).

почитания становились усыпальницы святых князей или построенные для них храмы<sup>69</sup>, то места упокоения митрополитов и епископов известны хуже. На сегодняшний день, не считая захоронения первого русского митрополита Михаила<sup>70</sup>, достоверность которого сомнительна, места погребения первых семи русских архиереев нам не известны<sup>71</sup>. Впервые сведения о смерти митрополитов помещены в летописи под 1089/1090 гг.: «Преставися Иоанъ митрополит Киевский и всея Руси; бысть же сей Иванъ мужь хитръ книгам и ученью, милостивъ ко убогимъ и ко вдовицамъ, ласкавъ же къ богатымъ и убогимъ, и тихъ, и смиренъ, и кротокъ, и милостивъ, и мльчаливъ, речистъ же, книгами святыми утешая печалныя; и таковаго не бысть въ Руси преже, и по немъ не вемъ бюджетъ ли такъвъ»<sup>72</sup>. За ним следует известие о смерти Иоана Скопца, приведенного в Киев Анной Всеволодовной, «и отъ года до года пребывъ преставися; бе же сей мужь не книжен, и умомъ простъ и просторекъ»<sup>73</sup>. Несмотря на очевидную важность события для церковной жизни, летописцы не указывают места погребения иерархов.

Первое упоминание о смерти и последующем погребении архиерея относится к 1159 г., когда сбежавший из Киева от Мстислава Изяславича митрополит Константин<sup>74</sup> заповедал Черниговскому епископу Антонию, приютившему его, «по умертвии ... поврзайте псомъ на снадение и птицамъ на разхищение»<sup>75</sup>, что и было исполнено. Лишь на четвертый день «наутрие князь велики Святославъ Ольговичъ со Антониемъ епископом своимъ Үръниговскимъ, и со князи, и з бояры и со множествомъ много народовъ собрашеса, и шедше за град со страхомъ и трепетомъ, и съ великою честию взяша тело его, много благоуханиа испущающе, и внесше во градъ положиша его во свя-

<sup>69</sup> См. подробнее: *Мусин А.Е., диак.* Святые мощи в Древней Руси: литургические аспекты истории почитания // Восточнохристианские реликвии. М., 2003. С. 363–364; *Седов В.В.* Погребения «святых князей» и архитектура княжеских усыпальниц Древней Руси // Восточнохристианские реликвии. М., 2003. С. 447–481; *Карнов А.В.* Язычество, христианство, двоеверие: религиозная жизнь Древней Руси в IX–XI веках. СПб., 2008. С. 164–166; *Бойцов М.А.* Величие и смирение: Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009. С. 249–281; *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI в.: от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. СПб., 2010. С. 583–588.

<sup>70</sup> *Матченко И.* Спорные вопросы по истории крещения Руси (Ответ на статью г. Левитского в «Христианском чтении» 1890 г.) // Странник. 1891. Т. 2. С. 375.

<sup>71</sup> *Гайденок П.И.* «В се же лето преставися Иоан митрополит...» С. 66.

<sup>72</sup> ПСРЛ. Т. 9. С. 115–116.

<sup>73</sup> Там же. С. 116.

<sup>74</sup> Там же. С. 214.

<sup>75</sup> ПСРЛ. Т. 9. С. 215.

тей церкви въ Спасе въ Чернигове»<sup>76</sup>. События имеют прямое отношение к истории автокефального митрополита Климента Смолятича. Приверженностью своему избраннику на митрополичий стол объясняется «злоба» киевского князя Мстислава Изяславича на присланного из Византии Константина. Понятно и нежелание архиерея терпеть унижения, т.е. «въ молве (молве) и въ смущении быти»<sup>77</sup>. В действиях черниговского князя Святослава Ольговича и епископа Антония проявляется тонкий расчет. Если после бегства митрополита Константина на киевском престоле Мстислав Изяславич восстановит Климента Смолятича, который в это время еще здравствовал, тогда черниговская кафедра может претендовать на восстановление митрополии, утраченной после распада триумvirата Ярославичей, и установление прямых канонических отношений с Византийскими патриархами<sup>78</sup>. Не случайно в качестве места захоронения Константина был избран кафедральный собор.

В последующие годы известий о захоронении первосвятителей не зафиксировано. Летописи протокольно сухо констатировали смерть иерархов. Под 1163 г. значится «преставися пресвященный Феодор, митрополит Киевский и всея Руси»<sup>79</sup>. Подобным образом извещается о смерти следующего за ним Иоанна<sup>80</sup>. Новое сообщение об уходе из жизни первого лица в русской церковной иерархии появилось в летописях лишь через 54 года. В 1220 г. скончался митрополит Матфей. А через три года, в 1233 г., — «преставися Кирилл, «родом же бысть Грецинъ изъ Никиа»<sup>81</sup>. Как видим, свидетельство о смерти и погребении митрополита Константина является единственным, а подробности коренятся в обстоятельствах обострившейся внутрицерковной борьбы.

Причины столь продолжительного умалчивания русскими источниками сведений о смерти и погребении русских церковных иерархов, по мнению П.И. Гайденко, «объясняются, во-первых, их греческим происхождением, выполнением консульских обязанностей, сохранением византийского подданства и отчужденностью от политической жизни Киевской Руси; во-вторых, их малой

---

<sup>76</sup>ПСРЛ. Т. 9. С. 215.

<sup>77</sup>Там же. С. 214.

<sup>78</sup>Толочко П. П. «Емше, влачаху поверзше ужи за ноги» // *Ruthenica. Альманах середньовічної історії та археології Східної Європи / НАН України. Інститут історії України. К.: Інститут історії України, 2010. Т. IX. С. 17–22.*

<sup>79</sup>ПСРЛ. Т. 9. С. 231.

<sup>80</sup>Там же. С. 233. Упоминания о смерти следующих за Иоанном митрополитов Константина, Никифора, Гавриила, Дионисия в летописях отсутствуют.

<sup>81</sup>ПСРЛ. Т. 10. С. 103.

авторитетностью в местной церковной среде; в-третьих, невысоким статусом во властной иерархии Руси; в-четвертых, отсутствием ясной структуры самой русской церковной организации»<sup>82</sup>. К тому же церковные иерархи могли не умирать на киевской кафедре, а покидали место своего служения, как только заканчивались, например, их посольские полномочия<sup>83</sup>.

Более подробны летописные сведения о русских по происхождению епископах домонгольского времени. Проследить подробности погребения епископов возможно лишь в отношении Великого Новгорода, где святителям отводилась особая роль в политической структуре вечевой республики<sup>84</sup>. Имеется полный список владык домонгольского периода. Но даже несмотря на это Новгородская первая летопись не сообщает подробных сведений о смерти и захоронении Иоакима Корсунянина, Луки Жидяты, Стефана, Германа. В связи с кончиной владык употребляется традиционная летописная формула: «преставися Феодор архиепископ новгородский»<sup>85</sup>. Такая же формула применена и в отношении владыки Никиты<sup>86</sup>. Место захоронения Иоанна Попьяна, что «отвержеса епископии», тем более не указано. Древнейшая подробность о месте погребения новгородского святителя читается в летописи под 1156 г.: «Тои же весне преставися архиепископъ Нифонт... Мьню бо, яко не хотя богъ, по грехомъ нашимъ, дати намъ на утеху гроба его, отведе и Киеву тамо преставися; и положиша и въ Печерьскомъ монастыри. У святей Богородици въ печере»<sup>87</sup>. Воспитанник Печерского монастыря был похоронен в стенах родной обители, т.к. скончался во время своего пребывания в Киеве. Дело не только в высоком авторитете незаурядной личности Нифонта. Он был первым епископом независимого Новгорода. Прежние владыки являлись ставленниками княжеской власти.

После Нифонта новгородские святители, как представители высшей власти, удостоивались погребения в городском кафедральном соборе. Под 1163 годом появляется традиционная для преставления последующих новгородских архиереев запись «преставися Аркадей епископъ Новгородский ... и положен высть въ Новегороде въ притворе святыя Софии»<sup>88</sup>, т.е. в качестве места захоронения архиереев был избран Софийский собор. Случайным данный факт являться не может

---

<sup>82</sup> Гайденко П.И. «В се же лето преставися Иоан митрополит...» С. 67.

<sup>83</sup> Там же. С. 67.

<sup>84</sup> Янин В.Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988. 235 с.

<sup>85</sup> НПЛ. С. 18, 201.

<sup>86</sup> Там же. С. 19, 203.

<sup>87</sup> Там же. С. 29, 216.

<sup>88</sup> Там же. С. 218.; ПСРЛ. Т. 9. С. 232.



в связи с тем, что начиная с Аркадия новгородскую кафедру будут возглавлять архиереи из местного духовенства и сведения об их уходе из жизни будут отличаться шаблонностью<sup>89</sup>.

Сохранившиеся подробности о смерти и погребении епископов в других русских княжествах гораздо более скупы. В традиционной форме под 1094 г. сообщается, что «преставися епискупъ Володимерскый Стефан, месяца апреля в 27 день, въ час 6 нощи»<sup>90</sup>. Под 1122 г. читаем: «преставися епископ Юрьевский Данило»<sup>91</sup>, под 1142 г. — «преставися Черниговскый епископ блаженный Пантелемонъ»<sup>92</sup>. Новгородская летопись (1215 г.) извещает о погребении в Ростове епископа Пахомия: «князь велики же Константинъ Всеволодичъ съ Симономъ, епископом Суздадскимъ и Володимерскимъ, и со всемъ священнымъ соворомъ положиша мощи его честно въ церкви пречистыя Богородици въ Ростове»<sup>93</sup>, т.е. епископа похоронили в кафедральном храме, при стечении народа и почитании со стороны князей. Кроме единичного случая погребения владыки Новгородского Нифонта, летописи умалчивают о захоронениях владык в стенах монастырей. Правда, найденный на территории бывшего погоста Борисоглебского монастыря в Турове саркофаг дал специалистам основание предполагать, что местные архиереи могли находить последнее упокоение именно на иноческом кладбище<sup>94</sup>. Уникальным было захоронение Белгородского епископа Максима, над белокаменным саркофагом и кельей которого была воздвигнута малая церковь<sup>95</sup>.

Летописи по большей части демонстрируют невнимание и забвение мест погребения архипастырей. И все же редкие упоминания о стечении народа и присутствии высшей княжеской власти при отпевании святителей позволяют говорить о высоком социальном статусе почивших архиереев. Почитание святы-

---

<sup>89</sup> 1186 г.: «преставися архиепископъ новгородчкын владыка Илья месяца септйвря въ 7, и положен бысть честно в притворе святыя Софея Новгородци» (НПЛ. С. 228); 1193 г.: «Преставися архиепископ новгородчкын Гаврила мая въ 24, иже на Дивнеи горе и положенъ бысть честно в притворе святыя Софея постороне врата и нареченаго въ чернигъстве Григорен» (НПЛ. С. 231); 1223 г.: «Преставися архиепископъ новгородчкын Митрофанъ, месяца июля въ 3, на память святого мученика Аукинфа, понедельнику осветающю и положен бысть в святеи Софеи въ притворе» (НПЛ. С. 263); 1232 г.: «преставися архиепископъ новгородчкын Антонии. (...) мощи же его положены быша честно у святыя Софея въ притворе, при благовернемъ и великомъ князи Ярославле. (...) и при архиепископе Спиридоне» (НПЛ. С. 281–282; ПСРЛ. Т. 10. С. 103).

<sup>90</sup> ПСРЛ. Т. 9. С. 123.

<sup>91</sup> ПСРЛ. Т. 1. С. 201.

<sup>92</sup> Там же. С. 215.

<sup>93</sup> ПСРЛ. Т. 10 С. 69.

<sup>94</sup> Лысенко П.Ф. Города Туровской земли. Минск, 1974. С. 40.

<sup>95</sup> ПСРЛ. Т. 2. С. 456; см. об этом: Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985. С. 68.

телей было характерно для Новгорода периода его независимости, в остальных княжествах оно носило индивидуальный характер, и подавляющее большинство епископов подобных почестей не удостоились.

Подводя итог сказанному выше, приходится констатировать, что на Руси положение «где епископ, там и Церковь», характерное для Восточной и Западной Церквей изучаемого периода, так и не стало непреложным каноном<sup>96</sup>. Общественное положение высших церковных иерархов домонгольской Руси отличалось большим разнообразием и множеством индивидуальных особенностей. Скорее всего, в русском обществе изучаемого периода не существовало такого понятия, как «социальный слой» (в современном нам понимании)<sup>97</sup>. Для обозначения места человека в обществе, вероятно, использовались совсем иные категории — «свободный — не свободный», «бедный — состоятельный», а то, что сегодня обозначается как «социальный статус», определялось степенью личного, корпоративного или родового влияния на политические, экономические и идеологические процессы. Таким образом, русские летописные источники свидетельствуют о том, что социально-политический статус архиереев на Руси в домонгольский период был достаточно нестабилен и напрямую зависел от взаимоотношений священства с княжеской властью, степени значимости епископии в Киевской митрополии и от авторитетности епископа в пределах своего округа.

### **Источники и литература**

1. Авраамий (Аврамий) Болгарский // Православная энциклопедия. Том I. М., 2000. С. 172–173.
2. *Бойцов М.А.* Величие и смирение: Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009. 549 с.
3. Введение христианства на Руси / отв. ред. А.Д. Сухов. М., 1987. 302 с.
4. *Гайденко П.И.* «В се же лето преставися Иоан митрополит...» Беглый взгляд на смерть первых церковных иерархов в Киевской Руси // *Гайден-*

---

<sup>96</sup> *Гидулянов П.* Митрополиты в первые три века христианства // Ученые записки имп. Московского университета Юридического факультета. Вып. 25. М., 1905. С. 120.

<sup>97</sup> Социальные слои в современном обществе характеризуются, в том числе, определенным родом занятий. Если взять хотя бы один критерий — торговлю, то ей в домонгольской Руси занимались практически все свободные слои населения: князья, дружина, бояре, ремесленники, крестьяне. Рассмотрение данной проблемы, безусловно, выходит за рамки нашего исследования, но вопрос критериев выделения социальных слоев для изучаемого периода, на наш взгляд, остается открытым.

- ко П.И., Москалева Л.А., Фомина Т.Ю. Церковь домонгольской Руси: иерархия, служение, нравы. М., 2013. С. 63–67.
5. Галимов Т.Р. Русская церковная иерархия в княжеских междоусобицах в середины XII – первой трети XIII века // Вестник Челябинского государственного университета: История. 2012. № 25(52). С. 104–114.
  6. Гергей Е. История папства / пер. с венгер. О.В. Громова. М., 1996. 463 с.
  7. Гидулянов П. Митрополиты в первые три века христианства // Ученые записки имп. Московского университета Юридического факультета. Вып. 25. М., 1905. 377 с.
  8. Дворниченко А.Ю. Древнерусское общество и Церковь. Л., 1988. 32 с.
  9. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / изд. под. Я.Н. Шапов, отв. ред. Л.В. Черепнин. М., 1976. 241 с.
  10. Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985. 432 с.
  11. Еремин И.П. Сочинения Феодосия Печерского в подлинном тексте // ТОДРЛ. Т. 5. М.; Л., 1947. С. 168–173.
  12. Карпов А.В. Язычество, христианство, двоеверие: религиозная жизнь Древней Руси в IX–XI веках. СПб., 2008. 184 с.
  13. Каиштанов С.М. Жалованные грамоты на Руси XII–XIV вв. // Средневековая Русь / отв. ред. А.А. Горский. М., 1999. Ч. 2. С. 21–45.
  14. Кирилла монаха притча о человеческой душе и о теле, о нарушении Божией заповеди и о воскрешении тела человеческого, о Страшном Суде и мучении // Колесов В.В. Кирилл Туровский. М., 2009. С. 25–40.
  15. Костромин К.А. Церковные связи Древней Руси с Западной Европой (до середины XII века.) / дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. СПб., 2011. 241 с.
  16. Лысенко П.Ф. Города Туровской земли. Минск, 1974. 198 с.
  17. Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV века). СПб., 2002. 416 с.
  18. Малиновский И.А. Древнейшая русская аристократия. Киев, 1903. 19 с.
  19. Матченко И. Спорные вопросы по истории крещения Руси (Ответ на статью г. Левитского в «Христианском чтении» 1890 г.) // Странник. 1891. Т. 2. С. 375.
  20. Мусин А.Е., диак. Святые мощи в Древней Руси: литургические аспекты истории почитания // Восточнохристианские реликвии. М., 2003. С. 363–386.

21. *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. 784 с.
22. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Рязань, 2001. 639 с.
23. Новгородские летописи: (Так названные Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). СПб., 1879. 24, 488, 113 с.
24. *Петр (Гайденко П.И.), иером.* Зарисовки повседневной жизни древнерусских архиереев: стол и достаток // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2013. Вып. 1(5). С. 84–105.
25. *Подскальский Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237). СПб., 1996. 572 с.
26. *Покровский Н. Н.* Власть и Церковь на Руси // Россия. 1997. Август. С. 70–75.
27. Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928. 379 с.
28. Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. СПб., 1908. 638 с.
29. Полное собрание русских летописей. Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью М., 2000. 288 с.
30. Послание Иакова черноризца к князю Дмитрию Борисовичу // ПЛДР. XIII век. М., 1981. С. 456–463.
31. Послание Симона, епископа владимирского, княгине Верхуслане-Анастасии Всеволодовне (Киево-Печерский патерик) // ПЛДР. XII век. М., 1980. С. 481.
32. Послание Феодосия Печерского Изяславу Ярославичу // РНБ. Кир.-Бел. № 4/ 1081. Л. 206–236.
33. *Регинон Прюмский.* Хроника // Древняя Русь в свете зарубежных источников. / под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. Том. IV: Западноевропейские источники; сост., пер и коммент. А.В. Назаренко. М., 2010. С. 47–49.
34. *Седов В.В.* Погребения «святых князей» и архитектура княжеских усыпальниц Древней Руси // Восточнохристианские реликвии. М., 2003. С. 447–481.

35. Скабаланович Н.А. Византийское государство и Церковь в XI в.: от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. СПб., 2010. 449 с.
36. Соколов П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до XV в. Киев, 1913. 442 с.
37. Стефанович П.С. Религиозно-этические аспекты отношений знати и князя на Руси в X — XII веках // Отечественная история. 2004. № 1. С. 3–18.
38. Тальберг Н.Д. История Русской Церкви. М., 1997. 924 с.
39. Татищев В.Н. История Российская: В 3 т. М., 2005. Т. 2. 732 с.
40. Творения митрополита Никифора / изд. подгот. С.М. Полянским; отв. ред. М.Н. Громов, С.М. Полянский. М., 2006. 501 с.
41. Титмар Мерзебургский. Хроника // Древняя Русь в свете зарубежных источников / под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. Том. IV: Западноевропейские источники; сост., пер. и коммент. А.В. Назаренко. М., 2010. С. 63–83.
42. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956. 350 с.
43. Толочко П.П. «Емше, влачаху поверзше ужи за ноги» // Ruthenica. Альманах середньовічної історії та археології Східної Європи / НАН України. Інститут історії України. К.: Інститут історії України, 2010. Т. IX. С. 17–22.
44. Хорошев А.С. Участие новгородской Церкви в политической жизни (1200–1230) // Новое в археологии. М., 1972. С. 241–246.
45. Хорошев А.С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980. 223 с.
46. Цыпин В.А. Каноническое право. М., 2009. 864 с.
47. Чичуров И.С. Политическая идеология средневековья (Византия и Русь). М., 1991. 176 с.
48. Янин В.Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988. 235 с.
49. Порре А. Państwo i kościoł na Rusi w XI wieku. Warszawa, 1968. 252 s.